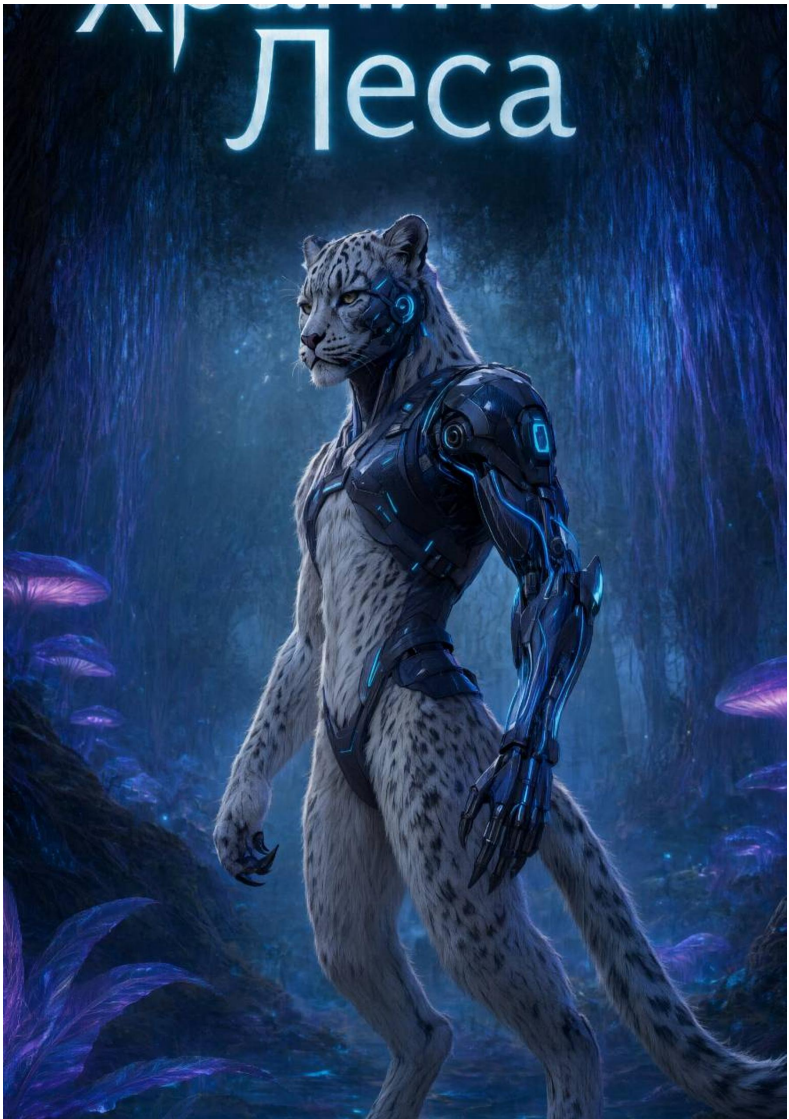
Леса

Александр Ефремов

Хранители леса

https://litres.ru/74928028
SelfPub; 2026

Аннотация

На планете Криос-7, запертой у красного карлика между выжженной стороной и ледяной ночью, тысячу лет назад погибла человеческая колония. После неё остались нео-ирбисы — снежные барсы с кибернетикой и живым лесом внутри крови, — хранители поющего биолюминесцентного леса и Закона из четырёх строк. Глухой хранитель Кайр, отдавший песнь планеты ради её спасения, проходит через три испытания: раскол собственного народа (Стая Теней, ведомая обидой Рэйка), оружие судного дня «Контур Тишины», спрятанное под мёртвым городом и построенное той, кто этих барсов создал, и прибывший из космоса корабль-«переписчик» миров, пришедший вычеркнуть планету из описи.

Александр Ефремов
Хранители леса

Криос-7 — планета вечных сумерек, запертая у красного карлика. Между выжженной стороной и ледяной ночью тянется узкая лента жизни, где светится лес и поёт грибница. Здесь живут нео-ирбисы — снежные барсы, которым люди дали разум, металл и лес внутри крови. Люди умерли тысячу лет назад. Остался Закон из четырёх строк, стая, которая его не приняла, и оружие, спрятанное под мёртвым городом.

Это история о том, что страх нельзя называть Законом. О том, что милосердие — не слабость, а смена рук. И о том, что всё живое — это отсрочка за отсрочкой.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ПЕПЕЛ И СВЕТ
Глава 1. Пробуждение в биолюминесценции
Глава 2. Древние воспоминания
Глава 3. Стая Теней
Глава 4. Закон хранителей
Глава 5. Встреча с Лирой
Глава 6. Совет хранителей
ЧАСТЬ ВТОРАЯ. КОМНАТА, О КОТОРОЙ НЕ ПОЮТ
Глава 7. Тайна происхождения
Глава 8. Падение цивилизации

Глава 9. Эволюция разума
Глава 10. Раскол
Глава 11. Первая стычка
Глава 12. Поиск ответов
ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. ДЕСЯТЬ МИНУТ
Глава 13. Голос из прошлого
Глава 14. Возвращение
Глава 15. Исцеление
Глава 16. Подготовка
Глава 17. Путь в Старый город
Глава 18. Ловушка
ЧАСТЬ ЧЕТВЁРТАЯ. СМЕНА РУК
Глава 19. Битва в лаборатории
Глава 20. Жертва
Глава 21. Выбор
Глава 22. Неожиданная помощь
Глава 23. Отключение
Глава 24. Взрыв
ЧАСТЬ ПЯТАЯ. ОТСРОЧКА
Глава 25. Суд
Глава 26. Исцеление мира
Глава 27. Новые угрозы
Глава 28. Корабль
Глава 29. Переговоры
Глава 30. Новый рассвет

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ПЕПЕЛ И СВЕТ

Глава 1. Пробуждение в биолюминесценции

Кайр проснулся за мгновение до того, как первый луч красного карлика коснулся крон древнего леса. Он не знал, откуда приходило это знание — то ли угасающий инстинкт животного, живущего в его крови, то ли точный хронометр, вживлённый в основание черепа ещё в те годы, когда его тело только собирали из плоти и металла. Впрочем, граница между инстинктом и программой давно стёрлась. Он был неоирбисом, и в нём не было ничего, что принадлежало бы только природе или только машине.

Он лежал в развилке корней исполинского дерева, чья кора за тысячу лет срослась с тканями светящихся лиан. Подстилка из мха хранила тепло его тела. Кайр медленно поднял голову, и мир вокруг начал загружаться — не глазами, а всем существом сразу.

Инициализация сенсорного контура. Левый глаз, живой, янтарный, раскрылся первым: зрачок сузился, впуская полумрак. Правый глаз, обрамлённый чёрной пластиной импланта, вспыхнул изнутри холодным голубым светом. По щеке, вдоль скул, пробежала цепочка диагностических огней — тонкие, как трещины во льду.

Энергетическое ядро: девяносто четыре процента. Кибернетическая конечность, правая верхняя: все сервоприводы в норме. Хвостовой сканер: активен. Целостность нейросвязи:

сто процентов.

Кайр выдохнул. Пар от дыхания поднялся в стылом воздухе и растворился среди спор, плавающих под пологом леса, как мириады крошечных звёзд. Утро на Криос-7 всегда было холодным: минус двадцать восемь по внутреннему термометру, обычная температура для сезона Тихого Света. Его создатели позаботились о том, чтобы холод не имел над ним власти — густая белая шерсть с чёрными розетками пятен держала тепло лучше любого скафандра, а подкожные терморегуляторы грели там, где природа не справлялась.

Он спустился с корней бесшумно, как падающий снег. Четыре лапы — две ходильные, мощные, и две передние, одна из которых заканчивалась растопыренными пальцами с обсидиановыми когтями, а вторая была произведением инженерного искусства: чёрный сплав, сегментированные пластины, и между ними — вены голубой энергии, пульсирующие в такт его сердцу. Кайр сжал и разжал механические пальцы. Тихий, почти музыкальный шелест сервоприводов. Рука работала идеально. Рука работала идеально уже сто девять лет, и он давно перестал помнить, каково это — чувствовать подушечками пальцев влагу мха.

Лес вокруг него просыпался.

Это было зрелище, ради которого, как верил Кайр, стоило существовать даже машине. Гигантские грибы — лунные зонтики, как называли их хранители, — поднимались над подлеском на высоту трёхэтажных башен, и их шляпки,

испещрённые прожилками, наливались розово-фиолетовым светом изнутри. Свет не был ровным: он дышал. Медленные волны сияния пробегали от ножки к краю шляпки, и тогда казалось, что грибы видят сны и эти сны можно увидеть. Ниже, у самой земли, разворачивались веера светящихся папоротников — их листья были прозрачны, как тонкий лёд, и в каждом листе текли реки голубого и пурпурного сока. А сверху, с невидимых крон, свисали плакучие нити — тысячи тонких лиан, светящихся холодным фиолетовым пламенем, похожих на застывший дождь из света.

Сквозь полог леса, там, где красный карлик стоял низко над горизонтом, падали косые столбы света — бледно-голубые, разбавленные вечной дымкой атмосферы. В этих столбах кружились споры, и каждая спора вспыхивала, проходя через луч, как пылинка в свете фонаря.

Кайр стоял неподвижно и слушал.

Не ушами — хотя и ушами тоже, острыми, с кисточками на кончиках, ловящими шорох грибных мышей за полсотни шагов. Он слушал Сеть Света: биолюминесцентную нервную систему леса, которую первые хранители научились читать через свои импланты. Грибы, лианы, папоротники — всё это было связано подземными нитями грибницы в единый организм, и организм этот пел. Песнь леса была не звуком, а ритмом: ровные импульсы света, химические сигналы, слабейшие электрические поля. Имплант Кайра переводил эту песнь в ощущение — тёплое, ровное присутствие жизни во-

круг. Пока песнь звучала ровно, планета была здорова.

Таков был первый пункт Закона хранителей: слушать лес прежде, чем слушать себя.

Он совершил утренний ритуал — опустил морду к ручью, текущему между корнями, и сделал несколько глотков ледяной воды, отдающей металлом и сладостью грибных спор. Затем выпрямился, повернул голову к северу и замер.

Песнь леса сбивалась.

Сначала он решил, что это помеха — влажная ночь могла замкнуть контакты хвостового сканера. Кайр перезапустил контур, повёл хвостом, и кибернетический наконечник на его конце, чёрный фонарь с голубыми прорезями, прочертил в воздухе дугу, собирая данные. Нет. Помехи не было. В северо-восточном секторе, в получасе ходьбы отсюда, песнь леса умолкала. Не глохла постепенно, как бывает в засуху или в морозы, — обрывалась. Как обрывается струна.

Кайр двинулся туда.

Он шёл сквозь светящийся подлесок, и его белая шкура с чёрными розетками делала его то призраком, то тенью — в лучах он вспыхивал, как снежный дух, в тени исчезал вовсе. Так были устроены ирбисы ещё на Земле, той планете, которой он никогда не видел и которая жила в его памяти лишь записями предков: хищник, которого не видно на снегу и скалах. Создатели взяли этот дар и умножили его.

Через двадцать минут лес изменился.

Сначала пропал звук. Грибные мыши, шуршавшие в под-

леске, исчезли. Потом пропал свет: папоротники вдоль его пути стояли тёмные, скрученные, их прозрачные листья почернели и осыпались, как пепел. Потом Кайр вышел на поляну — и остановился.

Он видел такое лишь однажды в жизни, и то в записях архива.

Поляна была мертва. Три лунных зонтика, огромных, древних, лежали поваленные, их шляпки потухли и подёрнулись серой гнилью. Грибница под землёй — Кайр чувствовал это сканером — была выжжена на глубину двух метров, аккуратным овалом, словно кто-то вырезал кусок живой плоти планеты скальпелем из плазмы. В воздухе стоял запах, которого не должно было быть в этом лесу: озон, горелый полимер, перегретый металл. Запах технологий, работающих без любви.

Кайр медленно опустился на одно колено у края выжженного овала. Механическая рука легла на землю, сенсоры в пальцах пробуя грунт. Остаточная энергия. Красный спектр — не голубой, не тот, что тек в его собственных жилах и в жилах леса. Красный: спектр боевых контуров, спектр перегруженных, взломанных имплантов. Спектр, который хранители видели только у одного братства.

Стая Теней.

Он нашёл следы у поваленного гриба: отпечатки лап неоирбиса, крупные, с характерным рисунком протектора ходильных подушечек. Трое. Один волочил левую лапу — ста-

рый дефект сервопривода, который не чинили годами. Второй оставил на коре дерева борозду от когтя, слишком глубокую для случайности: метка. Вызов. Третий след был меньше, легче — молодой.

Кайр долго смотрел на эту мёртвую поляну. Внутри него поднималось что-то тяжёлое и горячее, и он не стал бы называть это гневом — хранители учились распознавать гнев и гасить его, — но близко к тому. Лунные зонтики росли тысячу лет. Они помнили голос людей. Они были частью песни, которую теперь никто уже не допоёт.

Второй пункт Закона: защищать лес, даже если лес не может попросить.

Он выпрямился. Хвостовой сканер записал всё: следы, спектр, глубину выжога. Кайр сомкнул веки и отправил через имплант направленный световой импульс — короткий, кодированный, на частоте хранителей. Туда, к Серебряному озеру, где по утрам пила воду Лира.

Началось, — говорилось в импульсе. Иду по следу.

И он пошёл — белая тень среди угасающего света, с голубыми венами энергии в чёрной руке, туда, где песнь леса обрывалась, как струна.

Глава 2. Древние воспоминания

Ночью, прежде чем уйти по следу окончательно, Кайр вернулся в своё гнездовье — сухую пещеру под корнями упавшего исполина, где стены были устланы мхом, а в глубине, в нише, лежали три предмета: осколок зеркала из человече-

ского города, детская бирка с номером криокапсулы и сухой стебель земного растения, название которого было утеряно. Реликвии. Он не молился им — хранители не молились, — но иногда касался их пальцами живой лапы, чтобы помнить: у всего, что живёт, есть начало.

Потом он лёг, свернул хвост кольцом вокруг тела, и запустил архив.

Это была самая странная из способностей, которые создатели вложили в нео-ирбисов, — и единственная, которую они сами не до конца понимали. Импланты хранили память. Не только личную: память передавалась. Умирающий хранитель мог слить свой архив в грибницу Сети Света — люди называли это «резервным копированием», хранители называли «отдать голос лесу», — и новорождённый нео-ирбис, впервые подключаясь к Сети, получал не чистый лист, а библиотеку. Двенадцать поколений голосов. Кайр носил в себе двенадцать поколений, и сегодня, как делал это в ночи сомнений, он позволил им говорить.

Загрузка архива. Глубина: поколение первое. Источник: Аргун, Первый Пробуждённый. Фрагмент: «Земля».

Темнота расступилась, и Кайр увидел то, чего не видели его глаза никогда.

Голубая планета, окутанная бурыми шрамами. Океаны, отступившие от городов. Небо цвета ржавчины. Он смотрел на это чужими, древними глазами — глазами снежного барса в вольере зоосада, последнего в своём роде, — и чувство-

вал то, что чувствовал тогда барс: духоту, тесноту, голод, который не утолить мясом. Голос за стеклом вольера говорил на языке людей, и переводческий контур, вживлённый позже, шептал смысл: «Вид Panthera uncia. Последняя чистая линия. Берём геном. Всё остальное уже не спасти».

Потом была долгая ночь длиной в двести лет: холод криосна, в котором не снится ничего, и лишь тонкая нить данных — курс, скорость, убывающие проценты надежды. Корабль назывался «Новый Горизонт». Сорок тысяч людей в криокапсулах и генный банк: семена, эмбрионы, вирусы-конструкторы, культуры клеток. Беглецы. Земля умирала не от одной войны — от сотни войн сразу, и от усталости, которая страшнее войны. «Новый Горизонт» был последним из двенадцати ковчегов. Одиннадцать других в архиве числились как «сигнал потерян».

Фрагмент: «Прибытие».

Красный карлик. Планета вечных сумерек, запертая приливным захватом наполовину: одна сторона — выжженная пустыня, другая — ледяная ночь, а между ними, узкой лентой терминатора, — кольцо жизни. Криос-7. Люди высадились в ленте и первым делом построили купола, а вторым — поняли, что купола не спасут.

Мир был враждебен не злобой, а самим своим устройством. Морозы, от которых лопалась сталь незакалённых сплавов. Споры местной грибницы, прораставшие в лёгких млекопитающих за трое суток. И гончие — костяные гон-

чие, шестилапые твари с наружным скелетом из хитина и кремния, слепые, охотящиеся на тепло, быстрые, как лавина. Первая зима унесла девять тысяч колонистов. Вторая — ещё шесть. Кайр чувствовал через архив ужас той зимы: свет куполов, гаснущий один за другим, и вой за периметром — вой, в котором не было ни голода, ни ненависти, только слепое наведение на тепло.

Фрагмент: «Лаборатория. Елена».

И вот тут архив становился тёплым, и Кайр каждый раз задерживался в этом фрагменте дольше, чем требовала дисциплина.

Белый свет. Стол. Женщина с усталым лицом и руками, которые пахли антисептиком и — почему-то — сушёной мятой, потому что она держала мяту в единственном горшке на всю станцию. Доктор Елена Верещагина, руководитель проекта «Страж». Она смотрела вниз, в глаза снежному барсу, лежащему на столе под наркозом, и говорила ему то, что говорила бы человеку:

— Прости. Мы не умеем спрашивать согласия у тех, кого создаём. Но я обещаю: ты не будешь оружием. Ты будешь тем, кто стоит между нами и ночью.

Игла вошла в позвоночник, и барс по имени Аргун — так она назвала его, именем гор, которых больше не было, — умер и родился заново.

Кайр знал эту боль изнутри, потому что она была записана не как данные, а как переживание: огонь, текущий по

нервам; металл, врастающий в кость; и потом — внезапная, ослепительная тишина, в которой впервые в жизни стало слышно мысль. Не инстинкт. Не голод. Мысль — отдельную, звенящую, свою. Аргун открыл глаза, увидел женщину с мятой и понял слово «прости». Первый нео-ирбис заплакал — не умея плакать, просто издал звук, которого Елена не смогла забыть до конца жизни.

Их было сорок, первых. Сорок барсов, ставших больше, чем барсы. Они стояли между куполами и ночью, и ночь отступила. Гончие учились, что тепло бывает с когтями из сплава и с разумом, который предвидит засаду. Потери колонии упали вдесятеро. Дети выходили за периметр собирать светящиеся грибы и звали стражей «дядями в снегу». Двадцать лет — лучшее время во всём архиве. Кайр любил этот фрагмент и не доверял ему: слишком ровный свет, слишком тёплые руки. Так бывает только перед падением.

Фрагмент: «Ночь Горящих Башен».

Падение пришло не из леса. Оно пришло из куполов.

Ресурсы ленты терминатора были конечны: геотермальные скважины, жилы редких металлов, пригодная почва. Консорциум Ресурсов держал скважины; Вольные Поселения держали почву; и обе стороны держали по десятку нео-ирбисов, потому что стражи присягали не планете — люди не успели придумать присягу планете, — а тем, кто их вырастил.

Кайр прожил эту ночь глазами Аргуна. Голубые контуры

против голубых. Брат против брата, потому что каждый был уверен, что защищает своих людей, а люди за их спинами уже давно делили не защиту, а власть. Плазменные резаки против сервокогтей. Башни связи падали в грибные сады и жгли грибницу — ту самую, что пела. Елена Верещагина погибла на третьем часу ночи, между двумя группами стражей, заслонив собой криоясли с детьми — неважно, чьими детьми; для неё они все были детьми. Аргун держал её на руках, пока тепло уходило, и её последние слова вошли в архив как ядро всего, что будет потом:

— Не служите тем, кто приказывает. Служите тому, что растёт.

К утру купола горели, скважины были отравлены, и человечество Криос-7 перестало существовать — не до конца, местами оно тлело ещё два поколения, но как цивилизация, как замысел — да, той ночью. Остались сорок минус одиннадцать стражей, руины, и лес, который начал терпеливо, за столетие, врастать в мёртвый металл.

Фрагмент: «Закон».

Аргун собрал выживших в Круге Древних — там, где семь исполинских деревьев росли кольцом, — и сказал им слова, которые Кайр повторял каждое утро:

Слушать лес прежде, чем слушать себя. Защищать лес, даже если лес не может попросить. Знание предков хранить, но не обращать во зло. Не властвовать. Стоять между.

Так родились хранители. Так родилась Стая Теней — в

тот же день, потому что часть стражей посмотрела на пепел куполов и сделала иной вывод: мы погибли бы не от людей, а от собственной кротости; сила была, силы не хватило; значит, нужна сила большая. Раскол был первым и главным шрамом, и Кайр носил его в себе, как носят старую осколочную рану — она не болит каждый день, но ноет к перемене погоды.

Архив закрылся. Кайр открыл глаза в темноте пещеры. Голубые огни на его щеке горели ровно.

За входом в пещеру шумел ночной лес, живой, поющий. Где-то на северо-востоке песнь обрывалась.

«Ты не будешь оружием», — сказала

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.